Беэкман (Beekman) Владимир (р.1929) - эстонский писатель. Сборники стихов. Исторический роман «Город скорбных камней» (1959), романы «Транзитный пассажир» (1967), «Ночные летчики» (1975), документальный роман «И сто смертей» (1978) – о Великой отечественной войне, романы «Коридор» (1982), «Нарвский водопад» (1986).

"Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ..."

Владимир Беэкман - один из живых "классиков" эстонской советской литературы. Увы, был в литературоведении такой термин, поскольку в любой национальной литературе бывшего СССР до совсем недавнего времени был этот период - советский. Говоря об Эстонии, этот период можно назвать литературой времени оккупации. 1991-й год вроде бы все расставил по своим местам: старый термин уже неприменим, первые новые учебники написаны, по ним юные жители Эстонии учатся в школе, осмысляют прошлое. Возникает интереснейшая коллизия: вся литература, проза и поэзия, театр и литературная критика, государственная и общественная деятельность кого бы то ни было с 1940 по 1991 год предстает сейчас перед нами как бы в новом свете. И главный возникающий при этом вопрос, если говорить о литературе, вернее о творчестве того или иного писателя, можно сформулировать примерно так: а много ли в нем было с о в е т с к о г о вещества? В какой мере оно служило режиму? В какой мере оказывало ему посильное сопротивление? Кажется, этот вопрос сейчас не особенно актуален для эстонского общества. И это понятно. Общее прошлое как бы вынесено за скобки, акцент перенесен на настоящее и в значительной степени на будущее (недаром столь модной стала тема "конца тысячелетия", муссируемая в самых разных аспектах - от религиозно-философского до экономического и геополитического). И если писателя рискуют спросить о прошлом, то делают это очень осторожно и начинают обычно со времени "поющей революции", оставляя по отношению к более ранним годам явно выраженную фигуру умолчания.

Насколько справедливы эти соображения, предоставляем судить самому читателю - на примере публикуемого ниже интервью Владимира Беэкмана, данного писателем газете Postimees 22 февраля с.г. Вопросы задает младший коллега Владимира Беэкмана, писатель и журналист Тээт Каллас.

- Руководитель Союза писателей в течение долгих лет, прозаик, поэт, переводчик, теперь, как кажется, вы отдалились от общественной жизни. Так ли это?

- Последние несколько лет занимаюсь в основном переводами. Я ведь всю жизнь заполнял ими промежутки между работой над собственными сочинениями. Сейчас исполняется 40 лет с момента выхода в свет первой книжки Астрид Линдгрен на эстонском языке, а это был мой далеко не первый перевод. Перевожу с нескольких германских языков и в известной степени считаю даже своей миссией в меру сил удовлетворить интерес читателей к новой литературе и слегка сбалансировать заметный перекос в сторону англо-американских авторов, ведь это приводит к односторонности мировоззрения.

- 1929-й год, год рождения многих эстонских писателей, имеет особое значение для эстонской культуры. Родившиеся в этом году образовали поколение, которое, придя, многое сделало, потому что они были первыми, кто не разделил печальной судьбы участников Второй мировой войны. Ваше поколение живо?

- Ни одно поколение не вечно. Те мои ровесники, которых пощадил естественный отбор, большей частью энергично продолжают работать. К сожалению, снаряды ложатся все ближе к нашему окопу. За последний десяток лет ряды заметно поредели. Свободу, правда, мы обрели без крови, но кто скажет, что без потерь?

- Помню Владимира Беэкмана как активнейшего деятеля поющей революции. Из тогдашних руководителей Союза писателей многие остались в политике - Леннарт Мери, Яак Йыэрюйт, Пауль-Ээрик Руммо... А почему не Беэкман?

- Во-первых, по личным обстоятельствам. Настал момент, когда я решил: пора! В отличие от многих устремившихся тогда в политику, я к тому времени уже долго вращался в политических кругах. Мне было ясно: до конца жизни я в этом котле вариться не хочу. Осточертели все эти

заседания, комиссии, съезды. Да и интриги тоже. Во-вторых, для меня аксиома, что личности, участвующие в публичной жизни, будь то политики или телезвезды, изнашиваются быстрее обычных граждан. Невыносимо видеть на экране знаменитого телеведущего или репортера, лучшие годы которого прошли лет 10-15 назад. Любое их движение, каждая интонация, все вопросы, которые они собираются задавать, заранее известны. Это скучно. Если ты политик, важно, чтобы у тебя были новые идеи. Но без конца генерировать новые идеи не в состоянии ни один человек. Стало быть, люди, представляющие какую-либо партию, особенно те, кто не имеет специального образования и особой политической выучки, должны сменяться еще чаще. Думаю, что двухлетний срок, предусмотренный законом для ряда выборных должностей, - весьма разумное ограничение. Был момент, когда появились молодые политики, которые несли обществу тэтчеровские идеи. Но сейчас и они заметно поблекли. Опять нужны свежие идеи. Сейчас в нашем обществе наблюдаются явные признаки стагнации, застоя, и в этом, по-моему, наша главная беда. Опять мы поддерживаем убыточное производство, опять прибегаем к популистским (а по сути дела очень даже советским) методам, опять закручиваем бюрократические гайки, опять наводим тень на плетень... Как будто нашего традиционного рационального крестьянского мышления не существует в природе. Порой очень важно сделать решительный поворот. К сожалению, одни каждый раз непоправимо запаздывают, другим же такая мысль до скончания дней и в голову не придет. Мне, между прочим, больно видеть в предвыборных списках такое количество деятелей культуры пенсионного или предпенсионного возраста. Какие из них политики, какие генераторы новых идей? Хотя чисто по-человечески я их понимаю - они заботятся о старом поколении. Никакая заслуга перед культурой не обеспечит такой безбедной старости, как пенсия отставного парламентария. И тем, что народные избранники узаконивают такое положение, они обрекают нашу политику на стагнацию. У меня было немало возможностей включиться в эту политическую суету. В начале 80-х многие партии приглашали меня сесть в их лодку. К сожалению, я слишком хорошо знал рулевых, чтобы доверить им свою судьбу. И в последующие годы ни разу не пожалел о своем решении. В конце-то концов, неужто при каждом общественном потрясении непременно нужно быть на виду? Хотя, понимаю, многие даже не задают себе подобного вопроса...

- Роль писателя в общественных переменах. Насколько она существенна? И не только у нас, но и в мире?

- Мир постоянно меняется, нравится нам это или нет. Многие наши беды проистекают именно оттого, что мы не желаем смириться с неизбежными переменами, не говоря уж о том, чтобы им способствовать. Но иных возможностей жизнь не предоставляет. Писатель - по определению - это некий вестник, медиум, посредник между различными силами общества. И в этой роли у него две возможности: либо в меру сил отражать современное состояние общества (в лучшем случае - его суть), либо, заботясь в первую очередь о самовыражении и прибегая ко всякого рода воинственным лозунгам, всячески извращать его. Третьего, кажется, не дано.

- Творческий союз. Это своего рода цех? Или некое сообщество, преследующее корыстные цели?

- Творческий союз никакой не цех, не орден, а в наших условиях даже и не профессиональный союз, хотя в какой-то мере выполняет его функции. В Германии, например, Союз писателей входит организационной единицей в общий Союз профобъединений (FDGB). У нас же это просто объединение людей, занимающихся одним, причем не слишком распространенным видом деятельности. Союз существует на потребу своих членов, причем до тех пор, пока эти люди в подобном объединении нуждаются. В советское время творческие союзы наделялись еще и некоторыми государственными, регулирующими функциями, но в тех условиях это не было особенно эффективно, тем более бессмысленно сейчас. В моем представлении творческий союз - это независимое объединение, которое не навязывает своим членам ни политических пристрастий, ни эстетических взглядов. Этой точки зрения я придерживался и в 1992 году, когда перед выборами нового правления в Союз стали упорно наведываться представители разных партий.

- Какой след оставят в литературе наши поколения? Если оставят... И кому?

- Следы останутся - вроде бы - от каждого поколения, если иметь в виду литературу. Книги, как известно, остаются... Кому эти следы будут видны - покажет будущее, и вряд ли сейчас стоит об этом гадать. Литературные произведения обладают одной бесценной особенностью - их невозможно уничтожить, как стирают с дисплея ненужный текст. Когда-нибудь появится тот, которому будет интересна именно эта книга, и он отыщет ее на какой-нибудь дальней полке. И в этом я усматриваю нечто приятно старомодное, частичку вечности.

- В последние годы вы были больше молчаливым наблюдателем (несколько публикаций в периодике - исключение). Как с высоты вашего жизненного опыта вы оцениваете недавнюю годовщину республики? То ли это государство, на которое мы надеялись?

- Тут каждый, кому зададут подобный вопрос, ответит: конечно, нет! Не такого государства я жаждал. Так отвечу и я. Все мы представляли в своем воображении наше новое государство, но действительность опровергла эти представления. Моя воображаемая Эстония - это государство с обеспеченным, как в 30-х годах, детством, уютным, как в предвоенные годы, домом и хорошо налаженным школьным обучением. И мне трудно смириться с тем, что такого уже никогда не будет. Я возлагал большие надежды на некоторых ведущих государственных деятелей, ожидал от них большей интеллигентности, исключающей алчность и честолюбие, свойственные предводителям банановых республик. А у нас они в некотором смысле ведут себя так, будто живут в Кувейте накануне Персидского кризиса, а не в бедной измордованной Эстонии.

- Что нам наверняка надо было сделать иначе?

- Есть вещи, так или иначе неизбежные, и есть такие, которых вполне можно было бы избежать, если б не наша глупость и упрямство. Мы по-прежнему остаемся непроходимыми провинциалами. Ну, перелистали хотя бы для освежения памяти книжку яркого художника-карикатуриста Гори, творившего в 30-е годы. Моды в одежде, разумеется, изменились, огромных животов, двойных подбородков и тяжелых цепочек для часов тоже вроде не встретишь, а лица - те же самые!

- Будет ли когда-нибудь в Эстонии естественное и сбалансированное противостояние правых и левых?

- Не хочу предсказывать. У меня такое чувство, что классическая политическая схема у нас не действует. Слишком сложен и запутан нынешний политический мир, слишком далеки взаимоотношения людей и человеческих общностей от тех, которые наблюдались, скажем, еще полвека назад. И если мне придется еще застать некоторую поляризацию общественных и политических сил по оси "правые-левые", я предпочел бы позицию несколько правее от центра. То есть если мне придется выбирать между равенством и свободой, я предпочту последнюю.

* *

Интервью, данное накануне празднования годовщины Республики, имело, как я думаю, и более отдаленную перспективу - грядущее семидесятилетие Владимира Беэкмана, которое он отметит в августе с.г. Внимание к нему, как мне кажется, не случайно. Я мог бы по пальцам пересчитать коллег по Союзу писателей Эстонии, кто с самого начала, как Владимр Беэкман, не прельстился политическими лаврами, не сделал ни малейшей попытки внедриться в политику. Обратных примеров можно привести предостаточно (их имена называет и сам Вл.Беэкман); много и таких, кто, поварившись в этом соку, педпочел вернуться к писательству, на худой конец к публицистике (Рейн Вейдеманн, Яан Каплинский). Между тем Владимир Беэкман, в отличие от многих, несколько лет назад имел гораздо более выгодные исходные позиции, и вступи он в борьбу, мы знали бы сейчас еще одного парламентария, отягощенного необходимостью быть лояльным по отношению к одним политическим силам и - что еще хуже - враждебным по отношению к другим. Из интервью явствует, что ход событий последнего времени далеко не устраивает такого человека, как Владимир Беэкман. Не ту республику получил он, а с ним многие и многие, какая грезилась этим многим в первые дни обретения независимости. И стержнем этого недовольства, как мне представляется, служат этические установки, которым Владимир Беэкман привык следовать в течение всей своей жизни, в том числе и творческой. Многие его произведения (взять хотя бы роман "И сто смертей..." или роман "Коридор"), если, повторяя слова маститого писателя, отыскать их "на дальней полке" и перечесть заново, вдруг по-новому раскроются перед читателем. В них читатель не обнаружит ни малейшего искажения исторических событий; мало того - он обнаружит там попытки первым сказать о событиях, вспоминать о которых действовавший тогда режим отнюдь не был заинтересован. Так что, имея в виду упомянутое выше советское вещество, он скорей всего с удивлением обнаружит, что этого вещества в произведениях Владимира Беэкмана не так уж много.

Упоминая о функции писателя в современном обществе, Владимир Беэкман называет дилемму: либо ты в меру своего таланта искренне пытаешься отобразить противостояние общественных сил, либо ставишь во главу угла собственную персону и подгоняешь действительность под задачу утверждения себя в истории. Или в политике. И тут мы согласны с писателем: третьего здесь, видимо, не дано. Ясно также и то, которую из двух названных писательских (то есть нравственных) ипостасей Владимир Беэкман определил для самого себя. И это недвусмысленно свидетельствует о его стойком самостоянии.